

ПЕРВАЯ ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ РУССКОГО ФЛОТА НА БАЛТИКЕ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С ШВЕЦИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ

Ю. М. Попов

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Поступила в редакцию 27 февраля 2015 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются и уточняются задачи, стоявшие перед флотом в кампанию 1757 г. и связанные с внешнеполитической ситуацией. Показана роль флота в поддержании союзнических отношений России и Швеции. Также раскрыто положительное значение факта временного базирования флота в Гданьском заливе для решения различных вопросов, возникавших в ходе русско-прусской войны.*

Ключевые слова: *задачи флота, первая кампания, Гданьский залив.*

Abstract: *Navy's tasks in the campaign of 1757 referred to the foreign policy are considered and detailed. The role of the Navy in the support of friendly relations of Russia and Sweden is described. The positive influence of the temporary location of the Navy in the Gulf of Danzig on various issues during the Russo-Prussian War is explained.*

Key words: *Navy's tasks, first campaign, Gulf of Danzig.*

Семилетняя война 1756–1763 гг. носила, как известно, ярко выраженный коалиционный характер: Франция, Австрия, Россия, Швеция, Испания, Саксония, с другой стороны – Англия, Пруссия, Португалия. Поскольку флот – инструмент внешней политики государства, то наиболее наглядно сложность и противоречивость отношений между некоторыми из вышеперечисленных стран и Россией отразилась в действиях флота по ходу выполнения возникавших и ставившихся ему задач в первую военную кампанию на Балтийском море. И хотя русско-прусская война нашла широкое и подробное освещение в отечественной историографии, попытка ответа на поставленный вопрос была сделана только в нескольких работах, посвященных боевой деятельности русского балтийского флота в указанный период [1; 2]. Причем в качестве главного, общего для них, можно привести вывод, сформулированный в одной из последних работ на эту тему: «Пруссия не имела на Балтике военно-морских сил, но она заключила военный союз с Англией, флот которой мог появиться на Балтийском море. Поэтому первоочередной задачей русского флота стала оборона Балтийских проливов. От этого зависело выполнение ими других задач: осуществление блокады Пруссии и содействие своей наступающей армии...» [3]. Но насколько соответствуют действительности эти утверждения, можно узнать, подробно рассмотрев ход первой военной кампании флота и проанализировав события, предшествующие вступлению России в войну.

Первая военная кампания началась для Балтийского флота 29 апреля, когда по именному высочайшему секретному указу от 17 апреля 1757 г. [4, л. 7] ревальская эскадра под командованием вице-адмирала В. Ф. Люиса вышла в море, и через несколько дней, 4 мая, прибыла в район Либавы [5, с. 379]. В ее составе находились 6 кораблей и 3 фрегата, на которые перед выходом была принята согласно регламенту морская провизия на 4 месяца (до 13 августа). Согласно указу силами эскадры должна была проводиться с моря блокада прусских городов Мемеля, Пиллау и Кенигсберга. Для этого были определены одни из самых быстроходных кораблей: «Варахаил», «Москва» и «Ревель», командирам которых были даны секретные инструкции [6, л. 226]. Остальные корабли должны были крейсировать у курляндского берега напротив Либавы, находясь в оперативном подчинении у генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина, главнокомандующего русской армией.

Кронштадтской эскадре, после соответствующей подготовки, по указу Адмиралтейской коллегии от 30 мая 1757 г. было приказано с первым попутным ветром выйти в море [там же, л. 175] для соединения с ревальской эскадрой. Утром 31 мая эскадра в составе 12 кораблей, фрегата и брандера под командованием адмирала З. Д. Мишукова отправилась в назначенный путь. У Пиллау 19 июня обе эскадры соединились, и в командование объединенными силами вступил адмирал Мишуков. Флот продолжил блокаду прусского побережья [5, с. 375]. В высочайшем указе от 12 июля 1757 г. действиям флота была дана высокая оценка [4, л. 20]. Через пять дней после взятия

Мемеля (26 июня) все силы флота были сосредоточены в районе Пиллау [5, с. 375].

После получения из Стокгольма сообщения о возможном появлении в ближайшее время английского флота на Балтике (было передано 27 июня 1757 г. от чрезвычайного посла России в Швеции графа Н. И. Панина [6, л. 289, 293]) адмирал Мишуков 30 июня собрал на секретный консилиум флагманов эскадры, где и довел до их сведения известие о возможном изменении ситуации. Вероятность столкновения с английским флотом неожиданно привела к возникновению кадровой проблемы, связанной с наличием среди офицеров иностранных подданных – англичан, служивших на российском флоте по контракту. Перспектива участия в боевых действиях против английского флота заставила вице-адмирала В. Ф. Люиса в письме З. Д. Мишукову от 1 июля, ссылаясь на контракт (заключенный им еще в 1714 г. при вступлении на русскую службу), где была оговорена подобная ситуация, просить освободить его от выполнения своих обязанностей [там же, л. 332]. В тот же день офицер корабля «Северный орел», на котором держал свой флаг Люис, унтер-лейтенант И. Нотт, подал соответствующее доношение на высочайшее имя, где также просил, в силу аналогичных причин, об увольнении со службы [там же, л. 330, 331, 429, 457, 460]. В связи с таким поворотом событий Мишуков, в свою очередь, был намерен заменить и командиров кораблей (англичан по происхождению), выразивших бы подобное желание, русскими офицерами, о чем он и доложил в рапорте от 1 июля 1757 г. на высочайшее имя [5, с. 353]. 2 июля на имя Мишукова были поданы рапорты с просьбой об увольнении от командира корабля «Полтавы» Г. Макензи и командира корабля «Святой Александр Невский» П. Андерсона [6, л. 342, 343]. По поводу сложившейся в кадровом вопросе ситуации 17 июля 1757 г. был принят секретный высочайший указ, в котором Адмиралтейской коллегии предписывалось заменить «всех тех сколько найдется во флоте офицеров английской нации» другими офицерами тех же рангов, распределив первых по усмотрению Адмиралтейской коллегии [4, л. 21]. Но суровые реалии проблемы с командными кадрами веско диктовали свою волю. И Адмиралтейская коллегия в определении от 22 июля 1757 г. вынуждена была сообщить адмиралу Мишукову: «...во флоте английской нации находятся капитаны Андерсон, Макензи, Валронд, Вилисон, унтер-лейтенант Нотт, которых по вышеобъявленному рескрипту (высочайший указ от 17 июля 1757 г. – Ю. П.) велено взять сюда, а на их место послать других, но здесь не токмо капитанов, но и капитанов-поручиков многих нет» [6, л. 503].

Одновременно с решением этой проблемы нужно было оперативно решать еще одну, весьма важную

задачу, связанную с увеличением числа заболевших служителей на всех кораблях эскадры в результате различных болезней, и прежде всего цинги. В противном случае это грозило снижением боеспособности флота. На корабле «Святой Павел» 3 июля был собран консилиум флагманов, где и были рассмотрены назревшие проблемы и намечены пути их выполнения. Было решено перевести весь флот на гданьский рейд, оставив в море для выполнения задач по блокаде побережья и разведки четыре корабля и один фрегат. Обоснование решения Мишуков сообщил в рапорте Адмиралтейской коллегии от 4 июля 1757 г. Он докладывал, что на кораблях флота в «тяжелых и легких болезнях» находятся около 600 служителей. После перехода в указанное место предполагалось «...избрав на берегу удобное место... всех больных перевести туда, определя... пристойное число медицинских служителей...», после чего «...флоту удовольствоваться пресною водою и следовать обратно к Пиллау» [5, с. 350]. Через два дня после принятия решения о передислокации эскадра пришла на гданьский рейд. На берегу Вислы, в удобном месте, был организован временный госпиталь, куда были свезены для лечения все больные с кораблей. После оценки командованием стратегических преимуществ пункта базирования флот, который после организации госпиталя готовился уйти к Пиллау, остался на гданьском рейде. Такое решение давало ряд преимуществ – все корабли находились в одном месте, что улучшало управление силами. Здесь же можно было восполнять переменные грузы, в частности запасы воды и продовольствия. Кроме того, можно было бы проводить работы, связанные с устранением различных неисправностей на кораблях. В полученном через некоторое время высочайшем рескрипте от 30 июня 1757 г. Мишукову предписывалось «...остающиеся за распределением к блокадам прусских приморских городов корабли содержать при себе без разделения» [4, л. 34], что, как видим, подтвердило предусмотрительность многоопытного адмирала. Хотя Мишуков и предполагал после организации госпиталя и приема воды вывести весь флот к Пиллау, но после получения этого рескрипта ограничился практикой посылки в море отдельных отрядов кораблей, осуществлявших блокаду побережья и постоянно менявших друг друга. Такое положение сохранялось до 29 июля. Базирование кораблей в непосредственной близости от Гданьска позволяло решать и ряд других задач. Такое развитие ситуации имело и свою предысторию.

В преддверии предстоящей войны с Пруссией во взаимоотношениях России и Польши возникла проблема, от решения которой зависел ход боевых действий. Это было обусловлено особым географическим положением восточной Пруссии, большая часть границ которой находилась рядом с Речью Посполитой,

через чью территорию проход к ним русским войскам в стратегическом отношении был наиболее выгоден. И для того «... что б короля пруссакого... неопасным для... империи сделать», Конференция при Высочайшем дворе на своем втором заседании 15 марта 1756 г. решила предпринять меры дипломатического характера, чтобы Польша «...проходу здешних войск для атакования Пруссии не только не препятствовала, но паче на то охотно смотрела...» [7, с. 31]. В предположении возникновения различных коллизий, связанных с планируемыми боевыми действиями, русское правительство предприняло ряд шагов к тому, чтобы сохранить с Польшей добрососедские отношения: «Гроссу (посланник в Польше. – Ю. П.) отписать, дабы он... отвечивал... что Ея И.В. действительно ничего в Польше, кроме сохранения тишины, не желает, почему согласное желание Его Польскаго Величества не послужит как к большему их натуральной дружбы укреплению» [там же, с. 136]. Исходя из этого, российская сторона вела постоянные переговоры по указанному вопросу, и особое внимание при этом обращалось на необходимость такого шага и его пользу для самой Польши [там же, с. 197]. Но это обстоятельство явилось камнем преткновения во взаимоотношениях и с другими странами, особенно Францией. Это нежелание шло из боязни усиления позиций России в Польше. В руководстве Польши стояли различные политические силы. Часть истеблишмента ориентировалась на Францию, часть – на Россию. Такое разделение предопределяло всю сложность взаимоотношений двух стран. Из-за этого Россия, имевшая общую цель с Австрией в предстоящей войне с Пруссией, тем не менее, не видела полной поддержки с ее стороны своих планов ведения боевых действий: «Франция... считала... необходимым препятствовать усилению русского влияния в Польше... Венский двор, дорожа более французским союзом, поддерживал требования Франции и тем производил неприятное впечатление в Петербурге... Веймарн (российский дипломат. – Ю. П.) доносил из Варшавы: «...французам преданная партия рассуждает, что проходом русских войск подается предлог и прусским войскам войти в Польшу... лучше было бы, если бы русские войска вошли прямо в Пруссию. Эти рассуждения происходят вследствие беспрестанных внушений французского министра (посла. – Ю. П.) Дюрана и секретаря прусского посольства Беноа» [8, с. 341]. Из-за этого Россия не присоединилась к Версальскому договору Франции и Австрии, заключенному 1 мая 1756 г. Но этот союз после капитуляции саксонской армии 6 октября 1756 г. без участия России не мог рассчитывать на победу в войне с Пруссией. После сообщения русского посланника в Париже Ф. Д. Бехтеева причины отказа от этого шага французскому правительству последнему

не оставалось ничего, как дать соответствующие указания своему послу в Варшаве не препятствовать переговорам о планируемых перемещениях русских войск по территории польской республики к границам восточной Пруссии. Только после этого Россия примкнула к союзникам, и 31 декабря 1756 г. был опубликован «Акт приступления Российского Двора к заключенному в Версале 1 Мая сего года между Венским и Французским дворами оборонительному трактату» [9, с. 709]. Но несмотря на это, вопрос о прохождении русских войск через Польшу не был снят с повестки дня. Уже в начале 1757 г. стало известно, что французское правительство, признавая необходимость этого, считало за лучшее, если бы ввод войск в Пруссию был осуществлен из Курляндии. Объяснялось это мнение противодействием желанию поляков, приверженцев России, образовать конфедерацию, что нарушало бы баланс сил, сложившийся в Польше. Но такая перспектива развития событий не соответствовала действительности и имела совершенно иную подоплеку. «Виню всему этому делу, – писал русский посланник в Париже Бехтеев, – это французский министр в Варшаве граф Брולי... глава французской партии в Польше – гетман коронный, почему и войска республики во власти этой партии, и она сильнее всех, и если она будет знать, что никто за других не вступится, то первая начнет всех других притеснять и тем заведет беспокойство в республике» [8, с. 375]. Французы также выражали опасение, что пророссийским силам будет оказана помощь со стороны войск, которые будут вступать в Польшу: «...одно присутствие русской армии... доставит им большую силу... но если оба императорских двора (Россия и Австрия. – Ю. П.) признают необходимость, чтоб русское войско шло... через Польшу, то французский двор... может согласиться... с одним условием: чтоб русское войско шло... со... всевозможной поспешностью» [там же]. Такое изменение позиции Франции в желательную для России сторону было несомненным прогрессом в отношениях между союзниками. Поэтому несколько позже, 22 января 1757 г., была принята «Конвенция, учиненная в Санкт-Петербурге, между Российским и Венскими дворами – О возобновлении оборонительного союза, в 1746 г. заключенного» [9, с. 719], в которой российская сторона постаралась закрепить этот успех. В «Артикуле сепаратном 3» этой конвенции была также отдельно оговорена и позиция Польши в лице ее короля по отношению к Австрии и России: «Хотя Его Величество Король Польской, Курфирст Саксонской... почти совсем не в состоянии и невозможности исполнить свои обязательства... к произведению в действо проэкта об ослаблении или унижении Короля Пруссакого, оба Императорских Двора... в твердом при том надеянии, что Его Польское

Величество со своей стороны все то учинит, что может для споспешествования сильных стараний обоих... дворов» [10, с. 209]. И когда выяснилась позиция всех участников коалиции, перед Россией встал вопрос о возможных действиях противной стороны. Конференция при Высочайшем дворе, проведя 8 февраля 1757 г. анализ складывающейся перед началом боевых действий обстановки, нашла наиболее вероятным следующий вариант замысла противника: «Захвачиванье Гданска, Эльбинга и Торна наградило б ему (королю прусскому. – Ю. П.) несравненно потеряние всей Пруссии, он... всегда способ бы имел войти в Пруссию со всею силою, какую он из других мест отделять похотел бы, владея чрез то Вислою, владел бы всею польскою торговлею, следовательно, и большую половину Польши в своих руках имел бы. Сжертвовав пустую Пруссию, заградил бы здешним войскам совсем путь пробраться в Померанию или Бранденбургю...» [там же, с. 567]. Из этого делался однозначный вывод, что «...успех кампании – завоевание Пруссии, победа... от того зависит... не допустить, чтоб оно (войско Пруссии. – Ю. П.) рекою Вислою, а паче лежащими на ней городами: Гданском, Эльбингом и Торном завладело» [там же, с. 568]. По мнению Конференции, в случае успешных действий русских сухопутных войск, самый лучший способ принуждения короля Фридриха к капитуляции заключался бы в том, что «...когда... неприятель по несчастливой баталии принужден был бы в Кенигсберг ретироваться, и из Померании и из прочих своих областей, от которых он введением гарнизона в лежащие на Висле крепкие места отхвачен был бы, равно как и с морской стороны, коя флотом блокирована быть имеет, никакого сикурса, ниже запаса уповать не имел б, то сомневаться нельзя, чтоб он... в капитуляцию чрез сдачу всей земли не вступит» [там же, с. 563]. Итак, в дополнение к действиям армии непосредственно в Восточной Пруссии Конференция в проекте плана операции не только предусматривала блокаду прусского побережья, но и рассматривала возможность введения армейских гарнизонов в вышеуказанные населенные пункты, и прежде всего в Гданьск [там же, с. 575]. Но несмотря на все попытки России добиться понимания у польской стороны необходимости введения гарнизонов в указанные места, согласия достигнуто не было. В позиции польского правительства присутствовала постоянная, подогреваемая Францией настороженность по отношению к России, сопровождавшаяся бурным реагированием даже на самые незначительные инциденты. Это вынуждало Россию с наименьшим постоянством выступать с оправдательными заявлениями о своем миролюбии по отношению к Польше не только в ее адрес, но и других стран. Из рескрипта Конференции в Коллегию иностранных дел: «...

увереньями и декларациями, кои мы не токмо в Польше, но и при других дворах учинили, что намеряемым войскам наших чрез Польшу проходом оную не утешить, но паче, ежели надобно, защищать хотим» [там же, с. 662]. И речь здесь шла в первую очередь о Турции, которую Фридрих II склонял к совместному участию в войне. Такая работа российской дипломатии имела определенный успех. На заседании Конференции 25 февраля 1757 г. была заслушана реляция посланника в Константинополе Обрезкова следующего содержания: «Порта, услыша о... здешних войсках вступлении в поход чрез Польшу... успокоилась, и... надежда есть, что в нынешнюю войну не вмешается, ежели она... не загорится в Польше... прусские о соединении с Портою предложения совершенно она отвергла...» [там же, с. 595]. Соответственно, безрезультатными были и все попытки склонить республику к участию в войне на стороне коалиции. Обстановка накалялась, и к лету 1757 г. стало окончательно ясно, что непосредственное присутствие русских войск в Польше, несмотря на всю привлекательность этого плана с военной точки зрения, вызовет ряд серьезных дипломатических осложнений. Это могло инициировать начало боевых действий на польской территории, провоцируя тем самым к вступлению в войну Турцию, что было крайне нежелательно. Поэтому задача на этом этапе сводилась только к тому, чтобы реализовать хотя бы полученное разрешение на проход главных сил армии к прусским границам. Планы же использования флота к этому моменту не изменились. Корабельный флот с момента прихода в район боевых действий в южной части Балтийского моря после взятия приморской крепости Мемель, как это было намечено ранее, продолжил выполнение своей главной задачи – блокаду прусского побережья. Поэтому выбор гданьского залива в качестве маневренной базы и нахождение здесь такой мощной силы, как флот, причем в непосредственной близости от Гданьска, решало ту же проблему, что и введение в него гарнизона русской армии. Но в данном случае между Россией и Польшей сохранялись взаимоприемлемые отношения сотрудничества, поскольку не было непосредственного вступления русских гарнизонов в польские населенные пункты. Выгода такой ситуации для России была очевидна.

При получении в конце июня 1757 г. сведений о возможном появлении английского флота на Балтике шведская эскадра в составе восьми кораблей была переведена от побережья Норвегии в Зунд для более оперативного управления и прикрытия перевозки своих войск в Померанию для ведения боевых действий с прусской армией. Но поскольку сил шведского флота могло быть недостаточно для успешного противодействия англичанам, то шведы обратились

за помощью к России. Ввиду своей важности в последующих событиях, этот вопрос заслуживает более пристального рассмотрения.

В истории Швеции и России практически забыто одно немаловажное обстоятельство – наверное, в первый раз, да к тому же и единственный после Смуты, эти страны были союзниками во время Семилетней войны. Логика событий этой начавшейся войны ряда европейских государств с Пруссией потребовала вступления в нее Швеции. Для этого имелись и побудительные мотивы, главным из которых был захват Пруссией шведских владений в Померании. В силу сложной внутривосточной ситуации Швеция не хотела делать столь ответственный шаг, но под воздействием стран-союзниц, особенно Франции, шведы в 1757 г. вступили в войну [8, с. 401, 402]. Практически сразу между Россией и Швецией началось взаимодействие и в военной области, а именно совместное использование сил обоих флотов [11, с. 189–194]. В высочайшем рескрипте от 15 июля 1757 г. адмиралу Мишукову предписывалось с частью кораблей перейти к главной базе шведского флота – Карлскроне и «ежели придется к вам от шведского двора требование, чтобы вы, для сопротивления входа английской эскадры... соединились с шведскою... и с оною согласно действовали» [4, л. 34, 35]. Если необходимость в помощи отпадала, то Мишукову с кораблями следовало идти обратно и вновь принимать под свою команду весь флот, так как другая часть кораблей под командованием адмирала В. А. Мятлева должна была продолжать блокаду приморских прусских городов. По требованию русского правительства, сделанному еще во время отправления эскадры из Кронштадта, шведским двором были посланы указы в свои порты для оказания в случае необходимости помощи нашим кораблям [там же, л. 34, 35]. После получения рескрипта и проведения 30 июля консилиума флагманов началась деятельная подготовка к выполнению поставленных задач [5, с. 355, 356] и расформирование берегового госпиталя [4, л. 22]. И наконец, в 3 часа дня 9 августа эскадра адмирала Мишукова снялась с якорей вышла в море [5, с. 377]. По приходе эскадры к главной базе шведского флота Карлскруне и в ожидании указаний о дальнейших действиях корабли находились на внешнем рейде, так как вход иностранным кораблям в саму гавань был запрещен. Карт и описаний гавани Карлскруны в русском флоте не имелось, но чтобы не упустить удобного случая Мишуков, понимавший необходимость сбора такого рода разведывательных сведений и соответствующим образом проинструктировавший всех командиров кораблей, нашел такую возможность, и в результате была составлена ценнейшая карта гавани.

Отсутствие оперативной связи создавало большие трудности в управлении силами, особенно такой

маневренной, как флот. Необходимо было значительное время, чтобы оценить ситуацию по докладу с мест, принять решение и довести его до исполнителей. Сложность была и в том, что к 14 августа сведений от адмиралов Мишукова и Мятлева о реализации ими требований высочайшего указа от 15 июля 1757 г. в Петербурге не имели. Поэтому из-за неясности обстановки и предположительного характера ее изменения в указе от 14 августа предусматривалось несколько вариантов действия для обеих эскадр. Но одно оставалось здесь неизменным – продолжение при любом развитии событий блокады прусского побережья. Для этого предписывалось из кораблей, оставшихся с Мятлевым, выбрать 7–10 самых надежных. Потом, перегрузив на них с возвращающихся кораблей как можно больше морской провизии, оставить под командованием вице-адмирала Полянского у прусского побережья на столько времени, «сколько токмо без крайней опасности возможно будет». Сведения, полученные Мишуковым, заставили его без промедления идти в Ревель, и 27 августа корабли покинули карлсгамский рейд [там же, с. 361]. И наконец, 30 августа к эскадре присоединилось судно «Гогланд» с вице-адмиралом Полянским на борту, убывшее из Кронштадта 3 августа [6, л. 481]. 4 сентября адмирал Мишуков с семью кораблями прибыл в Ревель. Здесь в это время уже шла активная подготовка кораблей, выделенных для продолжения блокады прусского побережья. В работу по подготовке кораблей сразу же включился и Мишуков. В формируемую эскадру были дополнительно включены два корабля из числа пришедших вместе с Мишуковым, и таким образом, в ее состав вошли пять кораблей, один фрегат, а также судно «Гогланд». На все корабли было загружено необходимое количество провианта, и они были полностью укомплектованы здоровыми служителями [5, с. 361]. 11 сентября эта эскадра под командованием вице-адмирала А. И. Полянского вышла в море [там же, с. 385].

Тем временем события разворачивались следующим образом. Главные силы русской армии под командованием генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина 20 июля перешли прусскую границу, а 19 августа была одержана победа при Грос-Егерсдорфе. Но далее события приняли нежелательный оборот: на военном совете, проходившем 27 августа под руководством главнокомандующего, было решено отступить из Восточной Пруссии, что вызвало резкое возражение руководства России и в дальнейшем отставку Апраксина. В Петербург «...стали приходить известия об отступлении русских войск... поляки французской партии передавали французскому министру в Варшаве жалобы на тяготы, сопряженные с проходом русских войск, французский министр... передавал жалобы французскому послу в Петербур-

ге... (тот) передавал их русскому министерству. Такое посредничество... оскорбляло петербургский двор» [8]. Такой ход событий мог способствовать только одному – снижению авторитета государства и, как следствие, сдаче позиций в Польше: «...иностранцы союзники были озлоблены, отступление, которое расстраивало их планы, облегчало Фридриха II, поднимало его дух, освобождало от боязни русского нашествия» [там же]. Но тем не менее, несанкционированное осеннее отступление не привело к каким-то серьезным и нежелательным последствиям. И одной из главных причин этого явилось то, что в те дни, когда армия отступала, 21 сентября на гданьском рейде снова бросила якоря русская эскадра (7 вымпелов) под командованием вице-адмирала А. И. Полянского и находилась там до 12 октября [5, с. 385]. Использование сил флота увязывалось высшим руководством с планами сухопутной армии, но здесь необходимо отметить важнейшее обстоятельство – доведение указов до действовавшего в южной Балтике флота занимало довольно длительное время, примерно около двух недель. Поэтому высочайший указ от 14 августа 1757 г., в котором требовалось «кораблей, выбрав надежнейших от 7 до 10... при прусских берегах остаться и подкреплять операции сухопутной нашей армии» [4, л. 32], и базировавшийся на знании обстановки на начало августа, когда боевые действия главных сил только разворачивались, стал известен адмиралу Мишукову только 31 августа. А когда вновь сформированная эскадра под командованием вице-адмирала А. И. Полянского 11 сентября 1757 г. вышла в море выполнять предписанное, уже было известно и об отступлении армии, поэтому указание обеспечивать ее операции потеряло актуальность, но тем не менее новой задачи командующему эскадрой поставлено не было. Это говорит только об одном – высшим руководством страны были рассмотрены возможные последствия отступления армии, их влияние на складывающуюся ситуацию и воздействие на этот процесс действий флота. В данном случае был важен сам факт наличия русской эскадры в гданьском заливе, что и подтвердил дальнейший ход событий. По прошествии необходимости нахождения эскадры в море 15 сентября 1757 г. был издан высочайший указ о возвращении ее к ревальскому порту [там же, л. 38]. Но приказ дошел до Полянского только 7 октября, а лишь 12 октября корабли смогли начать движение к Ревелю с гданьского рейда. Все плавание эскадры и выполнение боевых задач по блокаде побережья проходило в суровых условиях наступавшей зимы – низких температур и длительных штормов. При возвращении, 16 октября, корабли попали в тяжелейший шторм. И только 26 октября, претерпев невероятные испытания, основная часть эскадры вошла в ревальскую гавань. Насколько тяжелым было плавание, говорит тот факт, что с 11 сентября по 26

октября на кораблях умерло 77 человек, хотя все больные накануне выхода были отправлены в госпиталь [5, с. 369]. Можно только удивляться мужеству людей, уходивших на этих кораблях в море, ведь условия их обитания в малопригодных для жизни условиях вызывают преклонение перед их памятью и делами, прославившими Россию.

Итак, подведем некоторые итоги.

1. Впервые после Петра I руководству страны стали окончательно ясны преимущества обладания сильным флотом как мощнейшим инструментом внешней политики, способным только фактом своего присутствия в нужном месте без фактического применения силы помогать государству решать внешнеполитические проблемы. Именно первая кампания 1757 г. показала все выгоды такого воздействия на ситуацию в зависимости от места временного базирования флота – во времени его нахождения в гданьском заливе. Наличие здесь в течение длительного времени флота помогло решить проблему, связанную с пресечением снабжения Восточной Пруссии и маневра силами прусской армии между последней и самим королевством. Такая расстановка сил в этот момент времени без непосредственного вступления русских гарнизонов в польские населенные пункты позволила России и Польше сохранить взаимоотношения сотрудничества. Поэтому флот явился стабилизирующим фактором в русско-польских отношениях, будучи одновременно и средством противовеса французского влияния на правительство Речи Посполитой, и укрепления позиций «русской партии». Выполнение поставленных флоту задач в первую военную кампанию велось настойчиво, с полным напряжением задействованных сил, невзирая на трудности, что в итоге предопределило ее успех. При этом следует учитывать такие факторы, как длительность пребывания флота в море и крайне неблагоприятные погодные условия, в которых пришлось выполнять указанные задачи, а так же то, что из-за большой текучести личного состава они выполнялись при значительном некомплекте экипажей кораблей, и выполнялись успешно. Это обстоятельство позволяет сделать однозначный вывод о готовности флота к ведению боевых действий и дать высокую оценку уровню боевой подготовки личного состава, достигнутому за все предвоенные годы боевой учебы.

2. Вероятность так и не осуществившегося появления английского флота в Балтийском море хотя и существовала, но была крайне мала в силу ряда объективных причин:

– основные морские силы Англии были заняты в борьбе за колонии с Францией, что являлось для англичан самой главной задачей в этой войне;

– в планы Англии не входило и разрывать мирные (!), а значит торговые, отношения с Россией, хотя при осуществлении последней морской блокады прусско-

го побережья часто возникали взаимные претензии.

Поэтому угроза, исходившая от Англии как союзника Пруссии, для России носила в это время скорее гипотетический характер, на что она и соответственно реагировала. Да и подоплека самого соглашения Англии и Пруссии, получившее название Вестминстерской конвенции 1756 г., как показал ход событий, являлась, по своей сути, большой провокацией – попыткой, и довольно удачной, обмана врагов Пруссии относительно планов ее непосредственной поддержки со стороны англичан. Оценивая реакцию правительства России на попытку запугать его возможностью нападения английского флота, можно сделать вывод, оно не поддалось на провокацию, потому что правильно поняло скрытые причины Вестминстерской конвенции.

Задачи, которые были приписаны задним числом Балтийскому флоту в более ранних работах, на самом деле выглядели следующим образом:

– первоочередной задачей флота в эту кампанию являлась не защита Балтийских проливов от английского флота, а целеустремленное и настойчивое ведение блокады прусского побережья, и в частности пресечение снабжения водным путем Восточной Пруссии;

– содействие армии во взятии приморских прусских крепостей;

– организация боевого взаимодействия с силами шведского флота;

– осуществление транспортных перевозок в интересах армии;

– периодическая, в случае необходимости, дозорно-разведывательная служба одиночными судами пролива Зунд.

4. В истории Швеции и России практически забыто одно немаловажное обстоятельство – единственный раз после Смуты эти страны стали союзниками во время Семилетней войны. Логика событий этой начавшейся войны ряда европейских государств с Пруссией потребовала в августе 1757 г. вступления в нее и Швеции. Практически сразу между Россией и Швецией началось взаимодействие и в военной области – совместное использование военно-морских сил. Отсюда вытекала и другая главная задача нашего флота – демонстрация готовности немедленного выполнения союзнических обязательств и оказание помощи шведскому флоту в случае просьбы со стороны шведского правительства.

5. Передача и обмен необходимой информации в

интересах дипломатического ведомства, а также между руководством государства и командованием флота, выполнявшего задачи в море, происходил регулярно, но определялся максимальной оперативностью, на которую можно было рассчитывать при курьерском способе доставки с использованием специальных посыльных судов, т.е. этот процесс происходил с достаточно длительными перерывами. Такая ситуация, изменить которую и кардинально улучшить при том уровне развития техники было невозможно, предъявляла особые требования к уровню стратегического мышления командования и стимулировала его аналитическую работу по оценке складывающейся обстановки и перспективах ее дальнейшего развития.

Внешняя политика России в это время базировалась на реальном знании складывавшейся конъюнктуры и была вследствие этого полностью свободна от авантюрных проявлений, что подтвердилось и нашло отражение в успешных действиях русского флота.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Криницын Ф. С.* Русский флот в Семилетней войне / Ф. С. Криницын // Морской сборник. – 1944. – № 11–12. – С. 55.
2. *Коробков Н. М.* Русский флот в Семилетней войне / Н. М. Коробков. – М., 1946. – С. 24.
3. *Криницын Ф. С.* Великая Северная экспедиция. Флот в Семилетней войне / Ф. С. Криницын // Дважды Краснознаменный Балтийский флот. – М., 1990. – С. 32.
4. РГА ВМФ. – Ф. 227. – Оп. 1. – Д. 12.
5. Материалы для истории русского флота. – СПб., 1883. – Ч. X.
6. РГА ВМФ. – Ф. 211. – Оп. 1. – Д. 1.
7. Протоколы Конференции при Высочайшем Дворе. Т. I. (14.03.1756–13.03.1757) // Сборник императорского русского исторического общества. – СПб., 1912. – Т. 136.
8. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М., 1964. – Кн. XII. – Т. 23–24.
9. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XIV.
10. Собрание трактатов и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Трактаты с Австрией (1648–1762). – СПб., 1874. – Т. I. – С. 209.
11. *Попов Ю. М.* Русский флот в первую кампанию Семилетней войны / Ю. М. Попов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы 6-й ежегод. Меж-

дунар. науч. конф., 2004 г. – СПб., 2005. – С. 189–194.

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Попов Ю. М. кандидат исторических наук, капитан 1-го ранга, преподаватель

E-mail: bars9713@rambler.ru

Тел.: 8-905-052-93-92

Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin

Popov Yu. M., Candidate of Historical Sciences, 1st Rank Captain, Lecturer

E-mail: bars9713@rambler.ru